ВОЙНА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ВОЙНА КОГНИТИВНАЯ

Гальяно Джузеппе, профессор, президент Центра стратегических исследований Карло Де Кристофорис (Комо, Италия)

До недавнего времени западный мир жил в убеждении, что либерализм является самоцелью, но в новом контексте глобализации он обретает иной смысл. Его цель - вновь довериться политической экономике, когда будет невозможно более отрицать отношения силы в экономическом секторе. Кажется, что утратившая свою актуальность идея о мировом бизнесе выстраивается на базе спроса и предложения.

Мир меняется, сегодня уже совершенно другая реальность, меняются события и способы интерпретации политики, а также и её орудия. Если однажды имело ценность утверждение Карла фон Клаузевица, что «война - это политика, осуществляемая другими средствами», то сегодня можно заявить, что политика (и экономика) – это война, осуществляемая при помощи информации.

Угроза не может быть только той, к которой мы привыкли и которая могла локализоваться с географической точки зрения при атаке одной великой державой другой великой державы. Сегодня наблюдается асимметричная угроза, отличная от предыдущих угроз, непрерывно меняющаяся, путешествующая в сети Интернет, незамедлительная, и, прежде всего, обращена против всей системы. Она не нацелена на поражение военных или политических целей, но преследует коммерческие, промышленные, научные, технологичесике и финансовые интересы. Это приводит *разведку* к тому, чтобы выстраивать свою деятельность в соответствии с новыми задачами: защищать не только целую систему, а также слабые звенья производственной цепи.

Всё это требует изменения менталитета, способов действия и постоянного обновления, в частности на уровне корпоративной культуры. Прежде всего возникла необходимость в тесном взаимодействии разведки с частным сектором, со всеми его сложными моментами, которые оттуда могут вытекать.

Кризисы, которые мы переживаем, вместе с характерными промышленным и коммерческим аспектами нашей эпохи, склоняют нас к тому, чтобы с большим вниманием считать эту идею «экономической войной». Главным образом после окончания холодной войны соотношение сил между державами прослеживается вокруг экономических проблем: сегодня основная часть правительств более не пытается завоевать земли или установить своё собственное господство над новыми народами, но намеревается создать технологический, промышленный и коммерческий

потенциал, способный привлечь капитал на свою собственную территорию и здесь же обеспечить занятость. В условиях глобализации «мягкая» и «ограниченная» конкуренция преобразовалась в самую настоящую «экономическую войну».

Экономический вызов способствует сокращению пространств, предоставленных в распоряжение в случае военного вторжения, но конечная цель, а именно, накопление мощи и благосостояния остается неизменной. Национальные стратегии экономической *разведки,* принятые недавно многочисленными правительствами, центральную роль в поддержании безопасности отводят частным операторам, благодаря оборудованию информационных инфраструктур и первичному благу цифровой эры: данным. От охраны частной экономической деятельности до защиты национальных экономических интересов - всего один шаг.

Под экономической разведкой понимается как раз совокупность действий по сбору и передаче информации, наблюдению за конкурентами, защите стратегической информации, капитализации знаний, с целью контроля и воздействия на глобальную экономическую среду. Все эти действия, естественно, являются инструментом власти в распоряжении какого-либо государства Но кто они – действующие лица экономической войны?

- Прежде всего *государства*, которые остаются наиболее влиятельными регуляторами на экономической шахматной доске, несмотря на их относительный спад в жизни наций и различные препятствия, которые на них давят, начиная от международных организаций, таких как Европейский Союз. То, что действительно изменилось, так это то, что сегодня государства должны принимать в расчет многочисленных акционеров (неправительственные организации, международные инстанции, компании, средства массовой информации). Однако они сохраняют роль арбитра, где каждый из остальных действующих лиц не делает ничего другого, кроме как компрометирует государства, регулярно стимулируя их вмешательство.
- *Компании*, стоящие перед лицом нового геоэкономического гиперконкурентного сценария и внедрившие контроль стратегической информации в качестве инструмента конкурентоспособности и экономической безопасности.
- *Гражданское общество*: расширение дискуссий по социальным вопросам, касающимся деятельности самих предприятий (питание и здоровье, технический прогресс и риски общественного здавоохранения, промышленность и окружающая среда, транспорт и безопасность путешествующих, информационная технология и индивидуальная свобода), массификация (то есть стирание различий или приведение к однородной массе

и демократизация использования Интернета), расширение вовлечения правосудия в осуществление контроля за деятельностью предприятий, что приводит к увеличению кибератак против компаний со стороны субъектов гражданского общества. Рост дискуссий о рисках, связанных с окружающей средой, об устойчивом развитии, о социально ответственных инвестициях, о корпоративной гражданской ответственности повышает легитимность социальных вопросов.

- *Инфосфера*: этот сектор не представляет собой категорию физических или юридических лиц, но скорее всего динамику, то есть одно целое, состоящее из интервенций, сообщений, распространенных в средствах массовой информации или интернет сети. Речь идёт об одном крайне коварном инструменте, поскольку он работает в качестве рупора, в котором постоянно смешиваются и вновь комбинируются идеи, эмоции и импульсы, испускаемые бесконечным количеством людей, без реального доминирующего субъекта, и, который, тем не менее, оказывает определяющее влияние на индивиды или организации, как благоприятное, так и неблагоприятное. Разрекламированное в инфосфере заявление может обладать силой, способной разжечь жёсткую полемику, либо вызвать резкую политическую реакцию, медийный кризис, или нанести репутационный ущерб за счёт предприятий. Следовательно, этот инструмент можно определить как особо эффективное оружие дестабилизации. Не нужно забывать, что образ и репутация марки представляют собой стратегический капитал, влияющий на коммерческую и финансовую деятельность компаний.

Но каким образом выражается экономическая война?

Часто её путают с экономическим шпионажем, который, напротив, является сложным феноменом для точного определения, даже если он используется в качестве инструмента экономической войны. Это происходит как потому, что общества, которые становятся её жертвами, не сообщают об этом, так и потому, что её сложно описать юридически, и, следовательно, разоблачить.

Одна из наиболее практических форм экономической войны это – приобретение предприятий, которое может привести к настоящим формам окружения и захвата отраслей на данной территории посредством операций, отвечающих одновременно мотивациям финансового, экономического и технологического характера.

Последняя форма экономической войны, также широко распространенная и вместе с тем коварная, это - *лоббирование*, или же стратегия влияния за счет воздействия посредством авторитета в момент разработки юридических норм. Она направлена

непосредственно на тех, кто принимает общественные решения. Наши национальные государства особенно отмечены знаком вопроса из-за быстрого распространения юридических норм и, в связи с этим, применения техники *лоббирования,* участия и воздействия на процесс разработки, интерпретации или применения законодательных мер и, в общем, прямое или косвенное влияние на каждое выступление или решение представителей государственной власти – это абсолютно стратегическое направление в деятельности. Влияние – это душа международного бизнеса, и вследствие этого сближение с центрами принятия решений стало обязательным пассажем коммерческой конкуренции.

В целом все эти практики отвечают одной стратегии влияния, а именно - коммуникации влияния. Их сложно как идентифицировать, так и бороться с ними, с того момента, когда они становятся совершенно законными: это и есть «информационная война». Эта война базируется на простых, но неблагоприятных в своих комбинациях принципах, а именно на:

- теме морали, следовательно, возможности спровоцировать кризис, воздействуя на этическую аргументацию;
- оскорблении политкорректного партнера посредством разрывания культурных и психологических шаблонов на данном этапе;
- выборе мишеней, и при этом, чем слабее капитал легитимности действующих лиц, тем сильнее информационная атака спровоцирует медийную эскалацию;
- известности действующих лиц;
- критерии благоприятной возможности или резонансе окружающей среды.

Переворот конкурирующей системы западных экономик больше не является преходящим феноменом. Увеличивающееся количество держав (Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран, Россия) обуславливает быстрые изменения международной конкуренции. Захват зарубежных рынков в разы преобладает над более выгодной структурой национальных рынков. Это доказывает то, что стратегия державы решающим образом влияет на контекст экономической конкуренции. У новых участников международной конкуренции существует различное видение диалектики между государством и рынком. Таким образом, рынок используется в качестве главного инструмента для увеличения мощности данного государства. «Представление, вернувшее к нормальной жизни базовые принципы политической экономики, во многих случаях позволило обнажить недостаток интерпретационных схем либеральных экономистов, чей анализ концентрировался на эффектах дерегламентации, на синтезе или финансовых спекуляциях вокруг расчета цен на газ, а не на возможном использовании газового бизнеса в качестве мощного оружия.

Благодаря этому рынок является единственным, а не обратно противоположным инструментом для достижения мощи (вспомним, например, использование энергии в качестве оружия на переговорах со стороны России В. В. Путина в 2009 г.»

Процесс глобализации необратим и достаточно независим от того, что предпринимают правительства. Но глобализация - это одно, а идеология свободного глобального рынка – совершенно другое, что, с одной стороны, производит наиболее высокий коэффициент роста любой иной системы, а с другой стороны, не имеет отношения к способам, которыми она распространяется. В остальном аргумент, рассматривающий распространение капиталистического роста ресурсов оптимальным способом, никогда не был убедительным.

Даже Адам Смит полагал, что существовало нечто такое, чего рынок не мог или не должен был делать. В истории сбалансированная эволюция мировой индустрии была произведена не либерализмом, а его противоположностью. В XIX веке США и Германия стали индустриализованными странами, которые защищали свою промышленность до тех пор, пока та не была в состоянии конкурировать с доминирующей британской экономикой. Сегодня экономические неоклассические теории утратили престиж, поскольку эта система разрушена по причине недостаточного контроля процедур, связанных с инвестициями, и международного финансового потока.

В наши дни более, чем когда бы то ни было мы стали свидетелями конфликта капиталистических сил, склоняющихся к устранению любого препятствия, и политических сил, действующих через национальные государства и вынужденных регулировать эти процедуры. Законы капиталистического развития просты: максимизировать экспансию, доход, увеличение капитала. Но приоритеты правительств по своей природе разнообразны и, следовательно, конфликтны. Более того, динамика глобальной экономики такова, что нет гарантий стабильности у её главных действующих лиц.

Системы государств и экономик, сосуществующих сегодня в условиях вынужденной адаптации друг к другу, находятся в постоянном напряжении. Но, если бы не было относительной стабильности государств, то увеличивалась бы нестабильность мира, организованного в соответствии с программами транснациональной экономики. Проблема не в том, могут ли правительства контролировать международные корпорации внутри своих границ. Настоящая проблема это - глобальный контроль: когда предприятия и правительства находятся в конфликте по отношению друг к другу. Последние должны вести переговоры так, как если бы они имели дело с государствами.

Но глобализация точно так же, как религии и культуры, - это только упрощённый ответ на сегодняшние конфликты и вызовы безопасности. С конца XX века глобализация уверенно сократила важность военной силы, в то время как безопасность, такая как, например, внутренняя, стала глобальным общественным благом. В эру информации, взаимозависимости и «думающей продукции, превосходящей тяжёлую продукцию», военная сила приносит меньше прибыли, а стоит больше. Экономическая, технологическая и, прежде всего, коммуникативная конкуренция намного важнее и оказывают больше влияния, чем военная сила.

Та же самая глобализация информации внесла свой вклад в изменение характера войны, сделав решительной роль общественного мнения. За короткий период геоинформация стала важнее, чем геополитика: её эффект незамедлителен и не всегда контролируем. Этот феномен - последствие холодной войны.

В данном контексте экономика не является больше инструментом безопасности, как это случалось прежде в период холодной войны. Но, напротив, безопасность поставила себе на службу экономику для создания наилучших условий экспансии и защиты глобализации. Характер безопасности зависит от ситуации каждой отдельной страны и меняется от региона к региону в зависимости от уровня глобализации в различных областях.

Вследствие этого речь идёт о том же самом процессе глобализации с целью создать необходимость в политической экономике и возобновить казавшуюся уже исчерпанной дискуссию, согласно которой рынок является средством для достижения мощи, а не наоборот, и становится инструментом государственной политики в глобализации торговли. Увеличение мощности за счёт экономической экспансии является двигателем новых развивающихся государств.

Тем не менее текущая экономическая среда должна иметь дело с новыми наступательными стратегиями, минирующими производственную базу рыночной экономики, выделив захватническую политику того, что можно считать настоящей экономической войной.

Именно в этом контектсе утверждается, что все предприятия, независимо от их размеров, несут убытки, вытекающие из недостатка культуры экономической безопасности, которую может обеспечить одно лишь использование *интеллекта (интеллидженс)* в качестве инструмента анализа хищнической конкуренции.

Интерпретирование понятия национальной безопасности при осознании и защите национальных интересов влечёт за собой обращение к информационным службам и службам безопасности, призванным для осуществления действий с целью защиты

крупных компаний, или, по крайней мере, ключевых стратегических предприятий, таких, которые французы называют «компаниями национального значения» или «национальными образцами». Для выживания при ставшей наиболее напряжённой конкуренции эти предприятия часто, но не всегда, оснащены своими информационными агентствами или агентствами по безопасности.

Однако тот факт, что экономическая *разведка* является областью, где правила между службами разных стран наиболее эластичны, сложно говорить о врагах и друзьях, но, скорее всего, о соревнующихся и конкурентах. Это - сфера, находящаяся на этапе становления и, что касается развития европейской экономической *разведки*, мы находимся ещё в зачаточной стадии.

……..

Развитие информационного общества глубоко поменяло картину конфликтов. По мнению американских аналитиков, таких как Джон Арквилла и Давид Рундфельдт, экспертов сетевой войны в Рэнд Корпорэйшн, сегодня выигрывает не тот, кто сбросит наиболее мощную бомбу, а тот, кто расскажет наилучшую историю.

С этой точки зрения американцы с 1997 года говорили о ключевой концепции *информационного доминирования*. Обозначенная как контроль всего того, что является информацией, эта доктрина имела бы призвание формировать мир посредством гармонизации практической деятельности и международных норм по американской модели с целью поставить под контроль органы, принимающие решения. Только подумайте о том, отмечают учёные, как в эпоху вторжения в Кувейт общественное мнение мобилизовалось вследствие спланированного процесса дезинформации на военном уровне или, если быть наиболее точным, на уровне психологической войны. Процессы манипуляции информацией позволяют изолировать определенные факты и, следовательно, доминирование информацией стало приоритетом американской стратегии.

Подумаем о том, как война в Ираке обозначила ту важность, какую манипуляция информацией приобрела в междунароных отношениях. Обвинения, выдвинутые Дж. В. Бушем против Саддама Хусейна в отношении существования оружия массового поражения, стали конкретной ситуацией для изучения проблем дезинформации в школе на уроках истории. С другой стороны, не нужно делать ошибочных выводов в отношении способов ведения когнитивной войны. Часто совершается такая ошибка, когда путают дезинформацию или ещё хуже манипуляцию и самую настоящую фальсификацию информации для дезориентации противника или союзника, с

предоставлением определенного типа знаний, задуманных для направления правил поведения в нужном ключе.

С этой целью Харбулот подчеркнул глубоко инновационную роль информационной войны и ее последствий на стратегическом уровне, которая и оказывает решающее воздействие на предприятия. Естественно, намерением Харбулота было использовать когнитивную войну для защиты интересов французских экономических компаний в рамках американской экономики. В действительности, если конфликты, начиная от войны в Персидском заливе и заканчивая Косово, продемонстрировали подавляющее превосходство американской военной *разведки* в театре военных действий за рубежом, то пространство для манёвра на сегодняшний день остается за руководителями разведывательных служб Западной Европы для защиты геоэкономических интересов своих стран против интересов США? Ответ Харбулота ясен: «Пространство каждый раз становится всё более ограниченным, не говоря уже в некоторых случаях о ситуации почти полного паралича.» Для преодоления такого разрыва необходимо модернизировать размышление Сунь-Цзы, Коминтерна и Мао, но, прежде всего, Уинстона Черчилля, ставшего первым главой западного государства в организации информационной войны против нацистской Германии (План Иаиль). В вопросах дезинформации он действительно британский гений, способный обмануть противника в датах и местах высадки. Естественно, недостаток юридических положений в отношении манипуляции знанием вызывает серьёзное беспокойство по поводу экономической безопасности европейских компаний, которые, вследствие этого, должны быть оснащены техникой, способной стратегически управлять экономической информацией. Именно в свете американского военно-политического выбора французские стратеги почувствовали необходимость определить самым строгим образом концепцию информационной войны. Выражение «когнитивная война», применяемое во французском стратегическом контексте, определяется как способность использовать знание с конфронтационной целью. В частности французская Школа экономической войны признает в когнитивной войне столкновение между различными способностями получать, вырабатывать и/или препятствовать определенным знаниям, в соответствии с соотношением силы, отмеченным двучленной формулой «сильный против слабого» или, в обратном сочетании - «слабый против сильного». Многочисленные примеры, поступающие из мира бизнеса, свидетельствуют о том, что инновация в этой области не всегда находится на стороне сильнейшего. Естественно, США представляют собой главного архитектора когнитивной мысли с формулой «сильный против слабого» в качестве примера защиты своего положения сверхдержавы как на военном, так и на

информационном уровне. В способах этой страны направлять своё собственное поведение и поведение других существует совершенное осознание важности когнитивной войны как способности восприятия образа отдельных держав с учетом мирового общественного мнения, являющегося весомым аргументом в поиске легитимности, которую демократия должна приобрести в национальных и международных сферах. США всегда, но особенно после событий 11 сентября, подпитывали законность своей политики, выделяя защиту демократии и необходимость глобальной безопасности как причину борьбы с антидемократическими силами.

В нынешних условиях наижесточайшей конкуренции дестабилизация играет фундаментальную роль. Харбулот уточняет: «Возьмем пример, ставший привычным в экономической войне: транснациональная корпорация решает блокировать конкурента в реализации проекта развивающейся экономики.»

Операция когнитивной войны может принять следующую форму:

- выявление слабых мест конкурента в интересующей области (слабые стороны могут быть различных видов: взятки, выплаченные властям; загрязнение окружающей среды; отсутствие уважения к правам человека). Вся эта собранная информация должна поддаваться проверке и не должна давать повод ложным интерпретациям.
- Выбор процедуры атаки посредством информации: если принимается в расчет когнитивный аспект, то можно вообразить следующий сценарий. Консультант, посвящённый этой задаче, выделяет средства частному фонду, поддерживаемому фирмой. Внутри этого фонда доверенное лицо будет использовать эти средства, направляя их в Неправительственную общественную организацию (НПО), основной задачей которой является защита окружающей среды. Затем манёвр состоит в том, чтобы привлечь внимание Неправительственной общественной организации к этому досье, косвенно сообщив информацию о проступках транснационального конкурента, которую можно проверить (следовательно, неискажённую). Неправительственная общественная организация распространяет через свой интернет-сайт негативные сообщения против проекта конкурента. Таким образом, создается когнитивная цепочка. В дальнейшем речь идёт о возможности её сознательного активизирования для дестабилизации цели.

Сильная сторона когнитивной атаки не в том, чтобы обмануть или дезинформировать, но подпитать соответствующую полемику, проверенную посредством объективных фактов. Уровень заговора ограничивается установлением и активацией

информационной цепочки. Чем больше полемика «обоснована», тем сложнее продемонстрировать заговор, даже только с теоретической точки зрения.

Очевидно, что распространение новых информационных технологий усугубило конкурентную величину и облегчило когнитивную войну, определив, как полагают французские аналитики, беспрецедентный конфликт даже по сравнению с холодной войной. Информация поступает для того, чтобы в качестве оружия стать частью военного искусства, способного в будущем заставить выиграть или проиграть конфликт, военный или экономический, какой бы то ни был. Речь идёт об изменениях, навязываемых культурной революцией. Кроме того, психологическая война - одна из основных наиболее утончённых форм информационной войны, поскольку полагается прежде всего на человеческий интеллект в его способности осознавать возможные успешные действия, естественно, при помощи контроля над средствами коммуникации.

Малопрактикуемая и малоизвестная во Франции психологическая война осталась далеко за пределами беспокойства военных, не один раз столкнувшихся с ней под давлением событий или противника, как это произошло в Индокитае или в Алжире.

В психологической войне используются все методы ведения, находящиеся в её распоряжении, начиная от дезинформации и заканчивая обманом, от пропаганды и до запрета, в столкновениях различного характера (от борьбы с терроризмом и до обычного сражения, и даже включает в себя продвижение концепции мира). В основном она напрямую направлена на общественное мнение с целью обусловить его или манипулировать им.

Психологическое оружие не предусматривает импровизацию, но полагается на оперативную структуру, организованную и проведённую специализированным персоналом и органами. Гражданские системы коммуникации достигли такого уровня предоставления услуг, которые ранее предназначались только для правительственных и военных структур. Это спровоцировало массовый эффект с последующим снижением затрат. Поэтому, даже если предполагается сохранение некоторых автономных военных мощностей, реализация информационных систем защиты и вмешательство зависят всё больше от гражданских систем, что создаёт уязвимость, которая может недооцениваться в случае кризиса или конфликта.

Картина действий информационной сферы стала очень конфликтуальной, а потому информационная война - неизбежна и осуществляется в соотвестсвии с функциями присвоения (*разведка*); воспрещения (ограничение доступа к информации) и манипуляции (интоксикация).

Экономическая *разведка* является необходимым ответом миру, не имеющему в наши дни временных и пространственных границ, куда информация проникает мгновенно, а время реакции нулевое. Следовательно, необходима реорганизация структур вокруг нового измерения, как взаимосвязь между информацией и *разведкой*, что, в свою очередь, приведёт к изменениям в системе принятия решений и в управлении человеческими ресурсами. Революция, прежде всего, культурная, создаёт из информации оружие, которое необходимо интегрировать в стратегию национальной обороны.

Библиография

Э Денесе, *Новый контекст торговли и его тайные правила. Информация, стратегия и экономическая война*, L'Harmattan, Париж, 2001.

Г. Гальяно, *Аспекты информационной войны*, в журнале "Интеллектуальный Капитал», 2/2015.

Г. Гальяно, *Война и экономическая разведка. Вклад французского стратегического мышления,* Издание Фуоко, Рим, 2013.

Г. Гальяно, *Психологическая война. Очерк о современных военных когнитивных техниках и техниках дезинформации,* Издание Фуоко, Рим, 2012 год.

Г. Гальяно, *Экономическая разведка: новое оружие на службе у конкурентоспособности Государства, предприятий и территорий в интерпретации Эрика Денесе,* в журнале «Интеллектуальный Капитал», 4-й год, № 1, февраль 2013 года.

Харбулот К., *Наступательные техники и экономическая война*, Париж, Etudes Aditech – CPE, Париж, 1990.

Харбулот К., *Наступательные техники и экономическая война*, Политический и Парламентский Журнал, № 948, 1999.

Перевод статьи с итальянского на русский: Ольга Журавлёва (Olga Juravlyova, Uzbekistan)

Редактор русского текста: Елена Булдакова (Elena Buldakova, Kirghizstan)

Перуджа, 16 января 2017 года